

ИЗ ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИИ

Научная статья
УДК 3.39; 9.929
doi: 10.17223/2312461X/39/4

У истоков североведческого образования в Петербурге: созидатели в эпоху *interregnum*

Николай Борисович Вахтин

*Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия,
nvakhtin@gmail.com*

Аннотация. На опубликованных и архивных материалах рассматривается ранняя история создания этнографического североведческого образования в Петрограде/Ленинграде, охватывающая период примерно с 1900 по 1925 г., т.е. время создания и существования Высших географических курсов, а с 1918 г. – Географического института. Описывается роль в этом процессе Льва Яковлевича Штернберга и Владимира Германовича Богораз, их взгляды на этнографическое образование и задачи этнографической науки. Анализируются возможные причины расхождения их научных взглядов.

Ключевые слова: история петербургской науки, этнографическое образование, североведение, Штернберг, Богораз, Географический институт

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00238, <https://rscf.ru/project/22-18-00238/>

Для цитирования: Вахтин Н.Б. У истоков североведческого образования в Петербурге: созидатели в эпоху *interregnum* // Сибирские исторические исследования. 2023. № 1. С. 64–95. doi: 10.17223/2312461X/39/4

Original article
doi: 10.17223/2312461X/39/4

The Early Stage of Arctic Anthropology in St. Petersburg: Constructive Endeavors at the Time of *Interregnum*

Nikolai B. Vakhtin

European University at St. Petersburg, Russian Federation, nvakhtin@gmail.com

Abstract. The paper describes the early history of Arctic anthropological education in Petrograd/Leningrad between approximately 1900 and 1925, that is, in the time of establishing of the Higher Geographical Courses (after 1918 – Institute of Geography). The roles of Lev Shternberg and Vladimir Bogoraz are analyzed, as well as their attitudes towards ethnographic education and ethnography as a discipline in general. Possible causes of the differences in their attitudes are discussed.

Keywords: history of science in Petersburg, ethnographic education, Arctic anthropology, Shternberg, Bogoraz, Institute of Geography

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00238, <https://rscf.ru/project/22-18-00238/>

For citation: Vakhtin, N.B. (2023) The Early Stage of Arctic Anthropology in St Petersburg: Constructive Endeavors at the Time of Interregnum. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 64–95 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/39/4

«На самом деле, даже в самой тяжелой ситуации люди могут найти новые жизненные ориентиры и основания для вдохновения» (Pelkmans 2013: 3). Создатели североведческого этнографического образования в Петербурге Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927) и Владимир Германович Богораз (1865–1936) несколько раз за свою бурную и полную событиями жизнь переходили от надежды к сомнениям, от веры к разочарованиям, поскольку жить им выпало в эпоху, которую вслед за Зигмундом Бауманом можно с полным основанием назвать «эпохой interregnum» (Бауман 2011): эпохой неопределенности и неуверенности в завтрашнем дне.

Цель данной статьи – на материале опубликованных и архивных источников проследить начальный этап становления и развития профессионального российского этнографического образования, прежде всего – подготовки североведов, специалистов по народам (и языкам) Сибири и Севера. Конкретные задачи статьи – показать, кто именно стоял у истоков североведческого образования, в каких учебных заведениях велась эта подготовка, как эти учебные заведения возникли и чему именно их профессора учили своих студентов.

В статье идет речь исключительно о становлении североведения в Петрограде-Ленинграде; московская школа этнографии, основы которой заложили в Московском университете Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923), его младшие коллеги, братья Михаил Николаевич (1860–1888) и Николай Николаевич (1865–1900) Харузины и их сестра Вера Николаевна (1866–1931), здесь не рассматриваются (см. о них: (Алымов 2004; Керимова 2011)).

Статья охватывает период от начала XX столетия до середины 1920-х гг., т.е. время зарождения и расцвета того, что в других публикациях мы назвали «проектом Богораза» (Вахтин 2016; Ляская 2016).

Степень изученности темы

Если об основных героях этой статьи Штернберге и Богоразе писали довольно много (ср.: (Арзютов, Кан 2013; Михайлова 2004, 2016; Романов 2006; Кан 2009)), то представляющая значительный исследователь-

ский интерес тема институционализации североведческого образования – создания Высших географических курсов и выросшего из них Географического института, преподавания в них – лишь фрагментарно затронута в историографии. Фактически кроме описаний, оставленных нам современниками и участникам этого процесса (это прежде всего статья (Лукашевич 1919), частично автобиография Богораза (Богораз 1926), воспоминания Нины Ивановны Гаген-Торн (Гаген-Торн 1994) и отчасти статья (Барсков 1914), а также заметки в периодической печати того времени) – кроме этого можно назвать лишь короткую статью (Золотницкая 2004), публикацию (Володченко 2016), отдельные страницы из книги (Кан 2009) и разрозненные упоминания в статьях и книгах, посвященных Богоразу, Штербнергу и Иохельсону (например, (Арзютов, Кан 2013; Иванова-Унарова 2019; Слободин 2005)), а также уже упомянутые выше статьи (Вахтин 2016; Лярская 2016).

В публикациях советского времени (Вдовин 1991; Гаген-Торн 1971, 1975; Гурвич 1963) по цензурным или иным причинам заслуга организации североведческого образования целиком приписывалась «Советскому государству». Как справедливо пишет Е.А. Михайлова, «[р]абота советских ученых неизбежно сковывалась идеологическими рамками, часто заставлявшими даже самых видных из них обходить, замалчивать не вписывавшиеся в эти рамки темы и факты, расставлять акценты определенным образом» (Михайлова 2011: 331)¹.

В данной статье мы стараемся придерживаться фактов и избегать оценок, чтобы дать читателю возможность самому судить, как на самом деле шли институционализация и становление североведческого образования в Петрограде-Ленинграде.

«Отец-основатель»: Лев Яковлевич Штернберг

В 1902 г. Владимир Германович Богораз и его друг Владимир Ильич Иохельсон вернулись из двухлетней Джесуповской экспедиции и практически сразу отправились в Нью-Йорк, к Францу Боасу, обрабатывать свои экспедиционные материалы (об истории Джесуповской экспедиции см.: (Вахтин 2005; Krupnik, Vakhtin 2003; Vakhtin 2001))². В том же году Лев Яковлевич Штернберг получил, наконец, университетский диплом (своевременно сдать университетские экзамены ему помешал арест в 1886 г. за активное участие в студенческих волнениях) и был принят на постоянную позицию «старшего этнографа» в Музей антропологии и этнографии (МАЭ) на место Дмитрия Клеменца, ушедшего в Музей Александра III³. Штернберг сразу же активно и с полной ответственностью за порученное дело включился в работу, начал приводить в порядок имевшиеся коллекции и собирать новые. Но для того, чтобы организовать систематический сбор новых этнографических коллек-

ций, нужны были специалисты; как писала его вдова, «[д]ля экспедиции нужны этнографы, и не просто этнографы, хорошо подготовленные теоретически, а люди с практическим опытом, умеющие работать в поле. К сожалению, таких людей не было. Их надо было создать...» (Ратнер-Штернберг 1928: 39).

Поначалу Штернберг надеялся обойтись имеющимися силами: по его инициативе и под его руководством МАЭ организовал, начиная с 1902 г., экспедиции Пилсудского на Сахалин, Серошевского в Манчжурию, Журавского и Шабунина к самодийцам Европейского Севера, Рычкова к тунгусам Туруханского края, Васильева к долганам и якутам, Анучина к енисейским хантам, Толмачева к чукчам, Широкогорова в Забайкалье к орочам, Арсеньева в Приморье к тунгусам, и еще несколько (Ратнер-Штернберг 1928: 44–45). Всем этим экспедициям было дано задание собирать коллекции.

Отправляя очередных исследователей «в поле», Штернберг подробно их инструктировал, работая с ними изо дня в день, по много часов, нередко в течение нескольких недель. Так, его вдова приводит большое письмо, в котором Штернберг подробно объясняет своему корреспонденту, молодому человеку из Средне-Колымска, какие предметы тот должен собрать, какие вопросы задать и кому – фактически это полноценная полевая инструкция (Ратнер-Штернберг 1928: 40–42).

Весной 1910 года Штернберг и сам отправился в экспедицию на Амур и Сахалин с задачей собрать материалы для МАЭ, а также дополнить данные по нивхам для своей книги и собрать данные по нанайцам. Работа длилась с 15 мая по конец сентября. Штернберг в этой работе оставался целиком в рамках традиционных этнографических взглядов: искал «наиболее чистые» группы, не затронутые русским влиянием, с сожалением писал о «ренегатах, уже отошедших от своей культуры, но еще не ставших русскими» и о том, что «исконная честность дикаря утрачена и замещена духом торгашества и жаждой легкой наживы» (Отчет Штернберга об экспедиции, цит. по: (Кап 2009: 196)).

Однако постепенно Штернбергу стало ясно, что подобными кустарными методами не обойтись, что нужна систематическая подготовка этнографов. Он начал с чтения случайных курсов: в 1904–1905 гг. – группе педагогов, руководивших Школой для рабочих; в 1906 – учителям средних школ. Часто лекции читались прямо в залах МАЭ, у витрин с экспонатами. В 1907 г. он читал уже более систематические лекции для студентов – членов географического кружка (Кап 2009: 178–179).

Какие возможности преподавания и развития этнографии в целом и североведения в частности были к этому времени в Петербурге? Было «Русское антропологическое общество», образованное в 1888 г. по инициативе участников съезда врачей и естествоиспытателей (Алымов 2017а: 145). Общество издавало «Протоколы»; основные интересы его членов лежали

в области соматической (т.е. физической) антропологии. С 1905 г. деятельность Общества оживилась, начал выходить «Ежегодник», в первом же номере которого в заметке «От редакции» Правление общества ставило целью «изучение человека в его жизненных проявлениях на земле в настоящем, прошедшем и будущем» и подчеркивало, что в «Ежегоднике» будут печататься и работы этнологического и этнографического характера, а также статьи по фольклору (Ежегодник 1905: i). И действительно, в первом выпуске – лингвистическая статья Бодуэна де Куртенэ, статья М. Ларионовой о зырянской и русской свадьбе и статья Л.Я. Штернберга «Культе инау у племени айну»; во втором – статья Йохельсона о подземных жилищах северо-восточной Азии и северо-западной Америки и еще несколько этнографических статей. Однако все-таки основным интересом данного Общества была физическая антропология. (см. о деятельности Общества, и в частности Н.М. Могилянского, статьи (Альмов 2017а, б)).

Штернберг, Йохельсон и Богораз числятся в списках членов общества и за 1905–1907, и за более поздние годы; первые двое выступают с докладами, публикуют статьи в «Ежегоднике»; нет сомнений, что через это Общество они были знакомы со всеми, кто имел в Петербурге хоть какое-то отношение к этнографии.

Был Географический кружок, первый в России, созданный в ноябре 1906 г. при Петербургском университете: в его состав входили Д.Д. Руднев (будущий известный географ, исследователь Севера), Л.С. Багров (будущий известный историк географии), С.И. Руденко (будущий известный археолог и антрополог) и другие. К 1910 г. этот кружок постепенно вырос в то, что называлось тогда «Географическое бюро при Отделе географии и естествознания Педагогического музея военно-учебных заведений»⁴. Руководил бюро проф. Б.Ф. Адлер, а после его отъезда в Казань – проф. Л.С. Берг; среди учредителей и деятелей Географического бюро – Н.И. Андрусов, Н.Н. Буш, Л.С. Багров, А.И. Воейков, К.Д. Глинка, В.А. Дубянский, В.Л. Комаров, Ф.У. Левинсон-Лессинг, Е.С. Марков, Г.Ф. Морозов, С.С. Неуструев, В.Н. Сукачев, В.В. Шипчинский, Ю.М. Шокальский, Я.С. Эдельштейн – и Лев Яковлевич Штернберг (Володченко 2016: 32).

Нет сомнений, что Штернберг «вписался» и в Русское антропологическое общество, и в Географический кружок с определенной целью: он увидел здесь возможность перевести этнографическое образование на более систематические рельсы. В упомянутом Педагогическом музее военно-учебных заведений был небольшой «этнографический отдел», который состоял «из бюстов типичных представителей рас, гипсовых масок с оригиналов (покойники разных рас), статуэток в рост – народностей, населяющих Россию и некоторые другие страны...» (Барсков 1914: 271). Конечно, не Кунсткамера, но для военного педагогического музея и это неплохо – а коли так, коли в географическом музее может

быть этнографический отдел, то почему не может быть курса этнографии в географическом образовательном учреждении? И такое образовательное учреждение вскоре возникло.

Ретроспективный взгляд на события видит ровную и логичную линию развития этнографического, прежде всего североведческого, образования в первые полтора десятилетия XX в. Однако для тех, кто жил в это время, никакой четкой линии не было: были разнообразные, мало связанные между собою начинания, инициативы, попытки что-то организовать. Однако фамилия Штернберга постоянно мелькает во многих из этих инициатив: он упорно шел к цели, даже если некоторые из этих путей на поверку и оказались тупиковыми.

Так, Этнографический отдел Русского географического общества на совещании 4 марта 1916 г. поручил нескольким своим членам – Штернбергу, Иохельсону, Николаю Могилянскому, Федору Волкову и Вениамину Семенову-Тян-Шанскому (сыну знаменитого Петра Семенова-Тян-Шанского) подготовить докладные записки о создании кафедр этнографии, физической антропологии и истории культуры (Альмов 2017б). Было подготовлено три доклада – Могилянского, Волкова и Штернберга. Идея Штернберга была в том, что культурная антропология – социальная наука, тесно связанная с историей, лингвистикой и психологией, и поэтому соответствующая кафедра должна быть на историческом, а не на географическом факультете. Культурная антропология, далее, не должна замыкаться на изучении диких племен, но должна исследовать и «пережитки дикости» у культурных народов. Два других докладчика настаивали на том, что культурная антропология должна помещаться в пределах естественных наук (физической антропологии и археологии) (Кап 2009: 234 сл.).

Примерно через год, в марте 1917, подвернулась еще одна возможность: декан факультета восточных языков Петроградского университета Н.Я. Марр пригласил Штернберга на должность приват-доцента с задачей организовать кафедру этнографии. В лекции, прочитанной на заседании факультета, Штернберг подчеркивал ту же мысль: что этнография должна развиваться и преподаваться как наука социальная, и критиковал идею преподавания этнографии в рамках естественно-научных дисциплин, как части биологии или географии (Кап 2009: 265).

Однако успех пришел к нему все-таки со стороны географии.

Высшие географические курсы и Географический институт

Весной 1914 г., за несколько месяцев до начала Первой мировой войны, Докучаевский почвенный комитет⁵ выступил учредителем частного учебного заведения – Высших географических курсов. Первым директором Курсов был А.И. Воейков; костяк преподавателей состав-

ляли те же люди, что и в упомянутом выше «Географическом бюро» (полный список профессоров см.: (Лукашевич 1919: 67–68)).

Из-за начавшейся войны официальное открытие Курсов состоялось только 17 января 1916 г. на заседании под председательством директора Кунсткамеры В.В. Радлова. После вступительного слова были сделаны два доклада: Л.С. Багрова об истории возникновения Курсов и Л.Я. Штернберга – «Значение географии и роль Географических курсов в деле всестороннего стационарного изучения России и ее окраин».

Учебный план был рассчитан на четыре года: на первом курсе студенты получали общее образование, на втором и третьем преподавался основной цикл географических дисциплин, а на четвертом году доминировали специализация по конкретным дисциплинам и практическая подготовка студентов (Лукашевич 1919). Ядром образования была география, этнография находилась в подчиненном положении. Студентов было около сотни, из них две трети – мужчины. Занятия происходили по вечерам, с шести до десяти, денег преподавателям не платили. По современным понятиям, это было скорее образование для взрослых, чем полноценный вуз (Кап 2009: 236).

Первый год работы Курсов закончился годовым праздничным актом 17 января 1917 г., на котором выступил И.Д. Лукашевич с докладом «О развитии наших знаний о мире и положении географии в общей системе знаний» (Володченко 2016: 34). В том же году при Курсах появилось этнографическое отделение, где Штернберг прочитал свой первый систематический курс этнографии (Гаген-Торн 1975: 158).

Захват власти большевиками в октябре 1917 г. и последовавшая разруха (отсутствие света и тепла, финансовые проблемы, бегство студентов и преподавателей из голодного Петрограда и т.д.) поставили существование Курсов под угрозу, и директор Курсов И.Д. Лукашевич⁶ принял решение пойти на сотрудничество с новой властью и обратился в Комиссариат народного просвещения (Наркомпрос) с ходатайством о передаче Курсов из Докучаевского почвенного комитета в ведение Наркомпроса и о преобразовании Курсов в Географический институт. Вот как он сам об этом писал:

Уже осенью 1916 года выяснилась полная невозможность существования В[ысших] Г[еографических] Курсов без правительственной поддержки, невозможность базироваться на безвозмездном труде личного состава Курсов, невозможность из-за недостатка средств нанять более просторное помещение и оборудовать его необходимыми учебными пособиями. Вследствие этого Курсы ходатайствовали перед Министерством Земледелия о назначении им субсидии... И в январе 1917 г. ...курсам [было] отпущено 3000 рублей... Уже была надежда на дальнейшее расширение деятельности молодого учебного заведения, но бурный 1917-ый год не благоприятствовал правильному течению занятий на курсах. Февральский переворот низверг старое правительство. Эта ломка старого режима задержала чтение лекций лишь на две недели, занятия возобновились

13 марта 1917 г. и продолжались до каникул. Тем не менее учебная жизнь на курсах нарушилась <...> пока обсуждался проект Географического Института и его сметы во Временном Правительстве, само Временное Правительство было низвергнуто октябрьской революцией, и вопрос о преобразовании В. Г. Курсов в Институт снова очутился и неопределенном положении. <...> к концу лета 1918 г. для Курсов создалось критическое положение. Они явно погибали. <...> Ввиду такого критического положения дела нельзя было медлить с решением и дожидаться съезда преподавателей. И.Д. Лукашевич, который обычно летом исполнял обязанности директора за отъездом директора и его товарища на очередные летние работы, вместе с Ник. Мих. Каратаевым, старостой Курсов... решили сделать все возможное, чтобы отстоять существование Курсов. <...> С этой целью И. Лукашевич и Н. Каратаев в августе 1918 г. обратились за помощью к товарищу Народного Комиссара по просвещению Зах[ару] Григ[орьевичу] Гринбергу и изложили ему критическое положение, в каком очутились В. Г. Курсы. Зах. Гр. Гринберг сразу отнесся вполне сочувственно к бедственному положению Курсов, распорядился им выдать немедленно 10.000 р. и указал, что переговоры о включении В. Г. Курсов в ведение Народного Комиссариата по просвещению следует вести через Научный Отдел. В Научном Отделе И. Лукашевич и Н. Каратаев встретили в лице заведывающего Отделом Дав[ида] Бор[исовича] Рязанова и его товарища Мих[аила] Петр[овича] Кристи такое же теплое участие к судьбам В. Г. Курсов и готовность оказать им содействие. В результате этих переговоров в Народный Комиссариат по просвещению И. Лукашевичем было представлено 17-го августа 1918 г. ходатайство: 1) о зачислении Высших Географических Курсов по Народному Комиссариату просвещения, 2) о скорейшем преобразовании В. Г. Курсов в Институт, 3) о скорейшем утверждении заново составленной сметы Географического Института, 4) о немедленной выдаче аванса в 100.000 руб. до утверждения сметы, 5) о подтверждении прав В. Г. Курсов на бывшую дачу Министра Земледелия на Аптекарском острове, переданную Курсам Временным Правительством. <...> Все эти ходатайства в течении короткого времени в той или иной мере были удовлетворены. <...> В хлопотах об организации зарождавшегося Географического Института еще в конце лета и начале осени деятельное участие приняли Л.Я. Штернберг, С.А. Советов, Р.Ю. Гутман, а затем и другие (Лукашевич 1919: 52–61).

3 декабря 1918 г. Луначарский подписал декрет о преобразовании Курсов в Географический институт; его первым директором стал И.Д. Лукашевич. Правление курсов было переизбрано; среди других в него вошел и Штернберг. Летом 1919 г. начались практические занятия со студентами, а с 1 октября – регулярные занятия на двух факультетах – географическом и этнографическом во вновь полученном здании (дворец Великого князя Алексея Александровича, наб. р. Мойки, 122) (Володченко 2016; Золотницкая 2004; Лукашевич 1919). В 1919 г. количество профессоров и преподавателей составило 45 человек, персонала – 18, слушателей – 577 человек. С 1919 г. директором Института стал А.Е. Ферсман.

Можно согласиться с Лукашевичем, что другого выхода у руководства Курсов не было: или становиться государственным вузом, или погибать. Нужно учесть, что Курсы были созданы преимущественно людьми левой ориентации, прежде всего социалистами разных оттен-

ков, которые вполне могли, по крайней мере поначалу, считать большевиков пусть не совсем, но все же «своими» и надеяться на быстрое смягчение их политики. Однако нельзя не отметить скорость, с которой вновь созданный Географический институт почувствовал железную руку централизованного управления. Сохранившиеся документы Географического института 1922–1924 гг. процентов на 70 состоят из писем, циркуляров, запросов и инструкций чиновников Наркомпроса и его местного отделения – Петропрофобра. Эти документы регламентируют всё: не только утверждают бюджет и учебные планы, но и дают разрешение на прием, отчисление и восстановление студентов, на прием на работу каждого нового преподавателя. Копии всех протоколов заседаний Правления Института направлялись в местные органы Наркомпроса, и судя по пометкам, их там внимательно читали. Вот один пример: письмо Наркомпроса в Правление Географического института от 26 апреля 1923 г.: «По рассмотрении протокола заседания Правления Института от 24 марта № 256, уведомляю, что на восстановлении в правах студента слушателя, исключенного по перерегистрации, необходима санкция уполномоченного по делам ВУЗ-ов в Петрограде, равным образом санкция необходима и при допущении к занятиям научных сотрудников до утверждения Главпрофобром» (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 388. Л. 17).

Формально деятельность Высших географических курсов/Географического института не прерывалась, но фактически работа начала оживать лишь после окончания Гражданской войны. «Зимой 1916/17 года занятия шли, – пишет Нина Ивановна Гаген-Торн, – но студентов было мало: многих мужчин мобилизовали. В 1917/18 занятий почти не было: читались отдельные лекции» (Гаген-Торн 1975: 158). В 1918/19 учебном году на курсах было около 200 студентов; в 1920/21 уже больше: на географическом отделении – 543 студента, на этнографическом – 284 (Григорьев 1921: 157). Уже в следующем году число студентов выросло до 1 530 человек (студентов 641, вольнослушателей 889, из них на общегеографическом факультете – 963, на этнографическом – 567 человек) (Географический вестник 1922: 27).

Вряд ли этим цифрам можно доверять безоговорочно. Времена были непростые, и совершенно не исключено, что многие записывались в вольнослушатели просто чтобы иметь хоть какой-то документ; из этого числа реально училось явно гораздо меньше, а до выпуска доходили и вовсе единицы. Многие студенты посещали занятия от случая к случаю. В справке о составе студентов Географического института за 1922/23 учебный год читаем: всего студентов 262, из них мужчин 125, женщин 137 (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 322. Л. 5. Справка о составе студентов ГИ приема 1922–1923 уч.г.). А вот данные о выпускниках: в 1924 г. географический институт окончило 17 человек: по общегеогра-

фическому факультету 13, по этнографическому – 4, поскольку весной 1924 г., перед самым выпуском, «в связи с работой качественной комиссии» было отчислено 139 студентов (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 111. Л. 3 об. Годовой отчет Географического института за 1923–1924 учебный год).

Появление Богораза

Имя Богораза, человека «энергичного и практичного» (Кап 2009: 281), впервые появляется в материалах Географического института в 1921 г. В уже цитированной статье Григорьева находим упоминание, что «[о]сенью 1920 года на заседании “Географического клуба” при ГИ в цикле “Народы русских окраин” состоялись лекции проф. В.Г. Богораза “Затерянная Русь” и “Чукчи”, и лекция Штернберга “Сахалин и его население”» (Григорьев 1921: 162). С этого момента имя Богораза появляется на страницах изданий Географического института все чаще. Бюллетень Географического института публикует в 1922 г. реферат статьи Богораза «Новые задачи российской этнографии в полярных областях» (Бюллетень 1921: 28). Географический вестник за 1922 г. опубликовал его небольшую заметку «Успехи цивилизации в колониальных странах и у цветных народов по данным новейшей этнографической литературы» (Географический вестник 1922: 2–5); и в том же издании в разделе «Хроника» сообщается, что Географический институт, «не взирая на тяжелое материальное положение, растет не только пространственно, но и количеством научных сил... впервые вошли в преподавательскую семью Института проф. В.Г. Богораз, проф. Н.И. Кареев...» (26).

Уже в 1922 г., в первый год своей работы в Институте, Богораз прочитал «первую половину курса» по материальной культуре и курс сравнительного языкознания первобытных народов, а также курс этнографии «для всех курсов этнографического факультета» (СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 174. Л. 198. Отчет проф. В.Г. Богораза за 1922 год). 9 февраля 1923 г. он участвует в заседании этнографического отделения, где выдвигает Штернберга в деканы. Предложение проходит, а сам Богораз становится «председателем Этнографической предметной комиссии» (СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 163. Л. 4). 18 апреля 1923 г. Богоразу было выдано удостоверение уполномоченного института с правом ходатайствовать «в правительственных учреждениях, вести переговоры и принимать решения по научным, учебным и другим делам, касающимся жизни Института» (СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 163. Л. 9). Именно этим Богораз в последующие годы в основном и занимался.

Начиная с 1922 г. имена Богораза и Штернберга почти во всех документах, касающихся Географического института и последующих его

«реинкарнаций», встречаются рядом. Ср. следующую характерную фразу из докладной записки Богораза о создании Этнографического научно-исследовательского института при этнографическом отделении географического факультета, скорее всего – конца 1925 или начала 1926 г.⁷: «Директором и замдиректором предлагаются профессора В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг, *в том или ином порядке*» (курсив мой. – Н.В.) (СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 167. Л. 440–442 об. Объяснительная записка об Этнографическом научно-исследовательском институте при ЭО геофака ЛГУ; см. подробно (Вахтин 2016)).

Чем именно в первые годы своей работы в Географическом институте занимался Богораз, видно из следующего письма в Госплан СССР, подписанного Штернбергом и Богоразом (1923 г., точной даты нет) (СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 168. Материалы по педагогической деятельности в Географическом институте. Л. 14–14 об.):

Географический институт, учреждение, возникшее после революции и единственное в России, имеет в составе своем Этнографический факультет, который ставит себе цель кроме проблем теоретической науки выработку кадров исследователей и практических деятелей на местах, знакомых с материальной культурой, техникой, бытом и языком различных частей многоплеменного населения России. Необходимость создания таких кадров чувствуется уже и теперь, но будет чувствоваться все более и более, по мере уменьшения разрухи и роста культуры и благосостояния России. Уже и теперь различные правительственные организации обращаются с запросами, требуют экспертов по пушнине по оленине, по местному устройству рыболовства, по организации товарного обмена окраинными племенами <...> Такими специалистами могут быть лишь этнографически обученные люди...»

– и в конце письма – о необходимости этнографической практики и просьба о выделении денег на это.

Недостаток средств «сильно тормозил экспедиционную работу студентов (Бюллетень 1922: 22), и тем не менее какая-то летняя этнографическая практика у студентов была. Однако систематические «этнографические экскурсии» начались только с приходом в Институт Богораза. Практически все «письма во власть» 1922–1923 гг., за подписью одного Богораза или за подписью Богораза и Штернберга – это просьбы финансировать полевую работу студентов-этнографов. Нина Гаген-Торн вспоминает: «В 1922 и 1923 гг. профессору Богоразу удалось получить денежную субсидию Наркомпроса для организации практики студентов в дальних районах Союза. Поехало около 80 человек. Впервые этнографическое обследование многих районов велось по единой программе и единым методом» (Гаген-Торн 1971: 141).

С апреля 1923 г. Богораз начинает участвовать в заседаниях Совещания при Правлении Географического института. Вот выписка из протокола от 4 апреля 1923 г.:

Слушали: Доклад проф. Штернберга и проф. Богораза о переговорах в Москве по вопросу об участии во Всероссийской Сельскохозяйственной выставке, о летней станции в Саблино и об организации экспедиций. Постановили: Благодарить проф. Штернберга и проф. Богораза за энергичные хлопоты по улучшению положения Географического института <...> Командировать проф. Богораза и проф. Штернберга в Москву на Фоминой неделе. Поручить комиссии в составе проф. А.А. Григорьева и проф. С.С. Неуструева и одного представителя от студенческой академической секции обсудить вопрос о возможности назначить нескольких студентов для отправки в Карскую экспедицию (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 389. Л. 15/об.)⁸.

9 мая 1923 г. история продолжается:

Слушали: Доклад проф. В.Г. Богораза о результатах командировки в Москву: об ассигновании кредитов на май и летний триместр, о сель.-хоз. выставке, о смете на ремонт общежития, о получении из Наркомздрава 4 аптек на 200 человек, 20 комплектов белья, и др. предметов санитарного оборудования и о возможности получения химических реактивов. Постановили: Выразить благодарность проф. В.Г. Богоразу и О.В. Вержбицкому за энергичные хлопоты в Москве. Просить проф. В.Г. Богораза переговорить с проф. С.С. Неуструевым о способах согласования экскурсионной работы, при выработке плана летних работ студентов, приняв в соображения также общегеографические интересы всего Географического Института. Ввиду намечающегося командирования студентов практикантов в количестве 7–14 человек... распределить места между студентами обоих факультетов... (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 389. Л. 29 об.).

Богораз энергичен, у него серьезные связи, он может привезти из Москвы и деньги на полевую практику, и оборудование, и «аптеки»... – Совещание деликатно напоминает ему, что его усилия не должны замыкаться на одном этнографическом факультете, что географам тоже нужно ездить в поле. И через два месяца – снова о том же:

Протокол от 7 июля 1923 г.:

Слушали: сообщение проректора по хоз. части В. В. Бородина о поступивших деньгах. Постановили: «Ввиду того, что по выяснившимся в Москве обстоятельствам на летние работы и на экспедиции, согласно ходатайству проф. В.Г. Богораза, отпущено было 15.000 рублей в мае и 180.000 рублей в июле и ввиду того, что, как выяснилось, никаких дополнительных кредитов в июле и августе рассчитывать получить нельзя – просить Этнографический факультет определить сумму, потребные на его специальные этнографические экскурсии, 100.000 рублей, а 40.000 рублей отпустить на новые расходы по Летней станции, и 40.000 рублей обратить на возмещение расходов... [ремонтных работ] заимообразно (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 389. Л. 64 об.).

То есть благодаря Богоразу этнографический факультет – богатый, а Институт – бедный, вынужден просить поделиться деньгами. Неудивительно, что при первой возможности Богораз ввели в Правление Института на правах «кандидата» (письмо в Главпрофобр с просьбой утвердить это решение написано 11 ноября 1924 г.) (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 53. Л. 66).

С приходом в Институт Богораза жизнь на этнографическом факультете оживилась. Уже летом 1922 г. начались первые серьезные экспедиционные поездки; «Географический вестник» (1922: 46) перечисляет эти поездки и их цели:

В центральной части Кольского полуострова – студенты Е. Орлова и Ф. Физик, по этнографии; на Печоре в нижнем течении – студенты Д. Травин, М. Петрова, Г. Вецкактин, В. Вецкактин и Г. Василевич, по этнографии; в Олонецком крае – студенты Н. Богданова, Н. Серк и И. Сей, по этнографии; в Центральной части – студенты Н. Морев, Л. Панек, А. Павлов, М. Никифоров, Л. Замбржицкий, А. Дуисберг, А. Борисова, С. Могилянская, В. Чиркова, Е. Бломквист, по этнографии; в Сибири – проф. С. Руденко, по антропологии и этнографии.

Годом позже:

во время зимних каникул 1923–24 г. были командированы 18 студентов Ин-та, летом 1924 г. – 73, из них в Ойратскую Автономную Область (Алтай) – 4 чел., в Украинскую ССР – 6, Дагестанскую ССР – 5 человек, в Юго-Восточную область – 4 чел., в Среднее Поволжье – 7 чел., в Автономн. Область Коми – 2 чел., в Марийскую Автономную Область – 1 чел., в Карельскую ССР – 2 чел., в Чувашскую Автономную Область – 1 чел. Остальные были посланы в различные губернии Центральной и Северо-Западной областей (Географический вестник 1925: 58).

Практически сразу по приходе в Институт Богораз начинает составлять, редактировать и публиковать сборники студенческих работ, основанных на материалах этих экспедиций (см. ниже). «Географический вестник» в отчете за 1922 г. (Т. II, вып. 3–4, вышедший только в 1925 г.), сообщает (с. 58), что «Работы студентов этнографического факультета характеризуются здесь весьма кратко, так как они стали уже частью известны по вышедшим в свет в 1924 г., составленным студентами отдельным сборникам, рисующим быт современной деревни. В настоящее время в результате студенческих экскурсий 1924 г. находятся в обработке дальнейшие выпуски аналогичных сборников. <...> Методологическая подготовка и обработка материалов протекают в семинарии по полевой этнографии и в исследовательском кружке. Организационно очень облегчает указанную работу факультета учрежденная при Комиссии по полевой практике в Главпрофобре подкомиссия по организации этнографических экскурсий студентов Ленинградских высших учебных заведений, в составе профессоров Ин-та Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза, руководящих и упомянутыми работами факультета».

Учебные программы

Чему учили в Географическом институте? У этого вопроса две стороны: одна – это учебный план, т.е. набор дисциплин, которые должны

были освоить будущие этнографы, вторая – содержание и идеология курсов, т.е. в конечном счете теоретические воззрения профессоров. И если на вопрос об учебных планах публикации того времени дают исчерпывающий ответ, то о содержании курсов мы можем судить в основном по косвенным сведениям.

Структура программ

Первоначально планировалось разделить Географический институт на два отделения: физико-географическое и антрополого-географическое. Однако к лету 1919 г. план был изменен: было организовано два факультета, общегеографический и этнографический, первый из которых распался на три отделения: 1) страноведения; 2) физико-географическое и 3) биогеографическое. Программа преподавания бурно обсуждалась; в этих обсуждениях явно прослеживается стремление Штернберга сделать этнографический факультет максимально самостоятельным.

Осенью 1919 г. последний вариант плана был принят в качестве временного, однако опыт показал, что он грешит двумя дефектами: крайней перегруженностью I курса и отсутствием на I курсе географического факультета необходимых для будущих этнографов подготовительных предметов гуманитарного цикла. «Ввиду этого осенью 1920 г., согласно желанию этнографического факультета (курсив мой. – Н.В.), Совет Института постановил несколько видоизменить план преподавания этнографического факультета, сократив на I курсе объем преподавания естественно-исторических предметов, причем математика была совершенно исключена, а освободившиеся часы заняты гуманитарными предметами подготовительного характера, а именно, психологией, общим языкознанием и общим ходом мировой истории культуры» (Григорьев 1921: 144–145).

В первые годы своего существования (1916–1919) Высшие географические курсы, а с 1918 г. – Географический институт организовывал полевую практику студентов, но только по географическим специальностям. На Кольском полуострове и в Мурманской области работали геоботанический, почвенный и геологический отряды, а также Хибинская экспедиция акад. А.Е. Ферсмана (Бюллетень 1921-1: 6–9). По видимому, первая этнографическая студенческая «экскурсия» была организована в 1920 г. Штернбергом «для изучения русского населения [Петроградской губернии] в диалектологическом и этнографическом отношении»; она работала в ближних пригородах Петрограда – в Павловске, Саблино, Гдовском, Лужском и Новолодожском уездах, и в следующие два года ее работа продолжалась (Бюллетень 1921-2: 7); студенты занимались картографированием этнических групп, учебны-

ми археологическими раскопками, диалектологией, собирали сведения по фольклору славянского и финно-угорского населения (Гаген-Торн 1975: 257).

В 1921 г. Географический институт устроил выставку своих достижений. Этнографический отдел был представлен на выставке следующими экспонатами: 1) картой племенного состава Петроградской губернии с обозначением распределения финского населения по диалектным особенностям (составлена Н.Н. Поппе); 2) диалектной картой русского населения Гдовского, Ямбургского и Новолодожского уездов (составлена Н.П. Гренковой); 3) археологической картой Петроградской губернии с обозначенными на ней свыше 500 пунктов, как исторической (преимущественно XI–XII вв.), так и доисторической археологии (составлена Н.А. Спициным); и 4) материалами по фольклору и языку, собранными среди карелов Тверской губернии Н.Н. Поппе и слушателями Института и среди русского населения Петроградской губернии Н.П. Гренковой и ее сотрудниками (Бюллетень 1921-1: 13).

В 1923 г. при этнографическом отделении Географического института была образована Комиссия по устройству студенческих этнографических экскурсий; до этого «этнографические экскурсии устраивались Этнографическим отделом Северной научно-промысловой экспедиции; заведующий отделом – профессор В.Г. Богораз, и некоторая часть экскурсий до сих пор проходит по этому Институту» (Штернберг 1926: 5).

В 1923 г. Институт появляется в справочнике «Весь Петроград» (Весь Петроград 1923: 35), в 1925 г. – в справочнике «Весь Ленинград». К 1925 г. Географический институт уже прочно стоит на ногах; согласно указанному справочнику, в нем насчитывалось 32 профессора, 20 преподавателей и 27 ассистентов. Среди профессоров – Л.С. Берг, В.Г. Богораз, Б.Я. Владимирцев, Н.И. Конрад, В.И. Семенов-Тянь-Шанский, А.Е. Ферсман, Л.Я. Штернберг... Такой состав профессоров сделал бы честь любому учебному заведению. Институт издавал журналы «Географический вестник», «Известия» и «Труды Географического института», имел в подчинении Географо-экономический исследовательский институт, Ленинградско-Мурманское отделение колонизационного института и Постоянную станцию практических полевых работ студентов на станции Саблино (Весь Ленинград 1925: 66).

Атмосфера в Географическом институте

И профессора, и лучшие студенты Географического института относились к своей работе с огромным энтузиазмом. Достаточно перечитать воспоминания Нины Гаген-Торн, чтобы почувствовать удивительную атмосферу тех первых послереволюционных лет (Гаген-Торн 1994: 65 сл.).

Эта же атмосфера видна и в публикациях того времени; так, на торжественном акте, посвященном окончанию очередного, 1920/21 учебного года, некий И.Н. Гладцин, обозначенный как «представитель студентов», произнес речь, которая была затем напечатана в первом выпуске «Географического вестника» (Гладцин 1922). Эта речь – настоящий гимн науке географии, отличная иллюстрация той атмосферы, которая царилa в Институте. Вот несколько выдержек:

...оканчивающие Институт должны чувствовать, конечно, ту величайшую ответственность, которая ложится на их печи вместе со званием географа. Они – первые, они – единственные пока. На них будут с любопытством смотреть, их будут с некоторой долей насмешливости изучать, их ошибки будут, может быть, со злорадством подчеркивать те, для которых слово «география» – пустой звук, те, которые не признают географию наукой, которые не понимают и не хотят понять ее смысл и значение. <...> И вот на долю нашего Института и выпала высокая и тяжелая задача утверждения географии, как науки. <...> Мы изучаем не лик земли, а гармонию и красоту этого лика. И не боясь кривых усмешек и прозвища «эстетов», мы должны твердо и отчетливо заявить: да, мы изучаем науку о гармонии и красоте земного шара – географию. <...> «Лишь в истине и цель и красота». Предоставьте же нам возможность, стряхнув с себя шоры узких специальностей, объединив все отдельные звенья, окинуть природу любовным и вдохновенным взглядом художника. <...> В географии сосредоточилась поэзия бродяжничества, поэзия далеких странствий, «приобщающих», по словам поэта Бунина, «нашу душу к бесконечности времени и пространства», поэзия, толкающая людей на безумные подвиги, на тяжкие лишения из-за одной только бескорыстной любознательности. География дает человеку величайшую свободу <...> География, держа человека все время лицом к лицу с бесконечно прекрасной природой, постоянно поддерживает в нем священный голод к красоте, священную жажду знания, жажду жизни; она питает в нем драгоценное звериное качество — жизнерадостность. География поддерживает в человеке жизнерадостность, гоняя его по земному шару, внушает ему любовь ко всему сущему, развивает в нем божественную благожелательность, философски-ироническое отношение к невзгодам и лишениям и высший космополитизм. <...> «Усладительнонейший» из поэтов Саади Ширазский сказал: «Как прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы оставить по себе чекан души своей и обозреть красоту мира». Не всем из нас суждено оставить после себя чекан души своей, но красоту мира мы обозреть сумеем.

Эти романтические слова хорошо передают увлеченность молодых людей начала 1920-х г. тем, что казалось им тогда строительством нового мира⁹.

Общий энтузиазм сопровождал и начинавшиеся поездки в поле. Полевую работу как часть подготовки этнографа и Штернберг, и Богораз, несомненно, считали центральной; вот как Богораз описывает свою новую работу в письме Боасу от 18 июля 1923 г.:

Мои собственные дела развиваются в довольно неожиданном направлении, не скажу неприятном, но работы с этим связано много. Около двух недель назад я получил из Москвы четыре тысячи рублей золотом (1 500 долларов) на организацию серии этнографических экскурсий наших студентов в разные районы

России, и с тех пор Л. Штернберг и я очень заняты их организацией, делая все что можем. Пять отрядов уже уехали по назначению: Кольский (лопарь), Онега (северные русские), Мезень (русские и самоеды), северная Печора (русские и самоеды), средняя Печора (зыряне). Еще пять отправятся на днях. Эти будут в основном работать среди русских. В общей сложности этим летом будут работать около 30 студентов, некоторые из них очень способные и рвутся к работе. Вы видите, что даже с небольшими деньгами здесь, в России, можно организовать серьезную работу (Bogoraz-Boas, 18.07.1923, NYPL¹⁰; перевод мой. – Н.В.).

Таким образом, к началу 1925 г. Географический институт и его этнографический факультет прочно встали на ноги: устоялись программы обучения, нашлись деньги на «экскурсии», появились первые публикации.

Не следует думать, конечно, что Географический институт был свободен в выборе форм, методов и направления образования. Уже было упомянуто, что каждое действие вуза должно было получать согласование в Наркомпросе, в его губернском отделе, в Главпрофобре или как минимум у Ленинградского уполномоченного этого органа. Однако были и прямые вмешательства властей в учебный план. Вот характерное письмо:

От Губ. отдела Нар.образа – Ректору Географического института. 15 октября 1924 г. К Вашему ВУЗ-у по общественным дисциплинам прикомандировываются: 1. Фингерт, 2. Максимов, 3. Спокойный, 4. Кошкин, 5. Ром, 6. Маторин, 7. Рафалович. 8. Захер. Предлагаю зачислить их в штат и уведомить меня о начале занятий (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 53. Л. 129).

Общественные дисциплины – это то, что в то время называлось «политический минимум», включавший два или иногда три предмета: обязательно – «Основы государственного строя СССР» и «Политэкономия», а также «Исторический материализм» (ср. письмо проректора П. Виттенбурга уполномоченному Наркомпроса по вузам Ленинграда (21 января 1925 г.), в котором проректор просит дополнительно разъяснить, какие предметы студенты должны сдавать в рамках «политического минимума»: вроде бы указание было, что два – «Основы государственного строя СССР» и «Политэкономия», а теперь от студентов требуют сдать еще и «Исторический материализм» (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 110. Л. 2).

Центром подготовки этнографов в Географическом институте была практика. По результатам «этнографических экскурсий» студентов издавались сборники; таких сборников с 1924 по 1927 г. вышло восемь: (1) Революция в деревне, часть 1 – 1924; (2) Старый и новый быт, 1924; (3) Революция в деревне, часть 2 – 1925; (4) Обновленная деревня, 1925; (5) Комсомол в деревне, 1926; (6) Еврейское местечко в революции, 1926; (7) Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, 1926; (8) Сборник этнографических материалов, 1927¹¹.

Из них семь – под редакцией Богораза, один (№ 7) – под редакцией Штернберга.

Деньги на издание этих сборников добывал все тот же Богораз: вот цитата из его письма Льву Троцкому (ноябрь 1923 г.): «Хотел бы повидаться с Вами по следующему поводу. В минувшие два года из студентов-этнографов я организовал ряд исследовательских отрядов, которые привезли много этнографического и экономического материала относительно старого и нового быта российской деревни...», и т.д. (цит. по: (Резник 2013)).

Содержание курсов

Чему же учили Богораз и Штернберг своих студентов, какую этнографию они им преподносили? Первый намек на ответ обнаруживается в упомянутых выше студенческих сборниках. Можно заметить, что Штернберг взялся редактировать наиболее традиционный, чисто этнографический том: вот названия некоторых статей из № 7 (и № 8, вышедшего после смерти Штернберга и посвященного его памяти): «Северно-великорусская свадьба» (Мыльникова, Цинциус); «Свадебные причитания зырян» (Старцев); «Телеутская свадьба» (Ефимова); «Родство у шорцев» (Дыренкова); «Классификационная система родства у гольдов» (Каргер); К вопросу об изучении народного изобразительного искусства в СССР (Иванов); и т.п. (Кап 2009: 350).

Содержание же всех остальных выпусков, вышедших под редакцией Богораза, напоминает не перечень традиционных этнографических тем, а перечень сюжетов журналистских очерков или тематику очень современных социально-антропологических исследований. Например: «Имба-читальня» (Стебницкий); «Последыши Вишневого сада» (Могиланская); Взаимоотношение полов у чухарей [вепсов] (Борисова); «Село Новоселка-Зюзино» (Каруновская); «Черкесы и русская культура» (Бай); «Землеустройство на Кубани» (Бежкович); «Коллективы и земля» (Гаген-Торн); «Афтобиография [так!] Алексея Рыбакова»; «Татарская женщина» (Старынкowa); «Стенная газета в деревне» (Бежкович); «Деревенский поэты» (С-берг); «Из жизни “Воздухотреста”» (Сиротинер) и т.п.

Создается впечатление, что Штернберг как этнограф был, с одной стороны, гораздо профессиональнее Богораза, но с другой – и гораздо консервативнее. Штернберг точно знал, что относится к этнографии, а что нет; Богораз постоянно искал и новых объектов, и новых методов исследования, постоянно стремился создать «новую этнографию». Для него «предметом исследования» могло стать что угодно. Не случайно в предисловии к сборнику «Старый и новый быт» они писал:

Творчество культуры никогда не прерывается. И для новой этнографии, например, русская революция, русская коммунистическая партия, будучи актуальными творцами нового быта, являются такими же объектами этнографического исследования, как и другие бытовые факторы (Богораз-Тан 1924: 6).

Вдумаемся. ВКП(б) – «объект этнографического исследования»? русская революция – «один из бытовых факторов»?! В 1924 г. еще можно было так писать, но уже через несколько лет опубликовать подобное было бы не только невозможно, но и крайне опасно¹². Понятно, что человеку с такими убеждениями было крайне сложно «вписаться» в официальную марксистскую идеологию, и что та этнография, которую строил Богораз, официальной идеологии была чужда. И прав современный исследователь, утверждающий, что «соединение [марксизма с этнографией] не удавалось осуществить не столько потому, что этнография не нуждалась в марксизме – сколько оттого, что официозный марксизм не очень нуждался в этнографии» (Кабицкий 2018: 140; ср. Кошкин 1927).

Многократно критиковавшаяся брошюра Богораза «Эйнштейн и религия», о которой Боас высказывался в том смысле, что его друг Богораз часто увлекается общими рассуждениями и писатель в нем одерживает верх над ученым, как кажется, заслуживает более внимательного отношения. Эта брошюра посвящена описанию системы «первобытных верований», прежде всего анимизму; в ней большое количество фактов из полевых наблюдений Богораза на северо-востоке Сибири, множество чукотских рисунков, обилие параллелей из других культур, из фольклорных и мифологических сюжетов. Богораза 1920-х гг. интересуют темы, которые сегодня воспринимались бы как вполне современные: восприятие пространства, размера, времени в разных культурах, т.е. темы, которые станут предметом социальной антропологии только через несколько десятков лет. Богоразу, конечно, не теория Эйнштейна была интересна (Эйнштейна он не читал, а читал переложение известного математика О.Д. Хвольсона), ему были интересны те *метафоры*, которые эта теория ему подарила: метафоры относительности пространства и времени, относительности миров, а значит – относительности культур. Сравните:

...каждая система S, каждая область явлений – имеет свое собственное пространство и свое собственное время, и только с этой точки зрения можно исследовать измерительные данные в религиозной области.

И еще:

Явления религиозные и родственные им мы способны сознавать, как фиктивные, другие явления бытия сознаем, как действительно существующие. Надо указать, однако, что поправка на объективность не является чем-то постоянным для всего человечества. У первобытных племен поправка на объективность совершенно иная от нашей. И самые чудесные и странные явления из области религиозной кажутся людям первобытным несомненно и реально существующи-

ми. И у нас нет никакого подхода к тому, чтобы разубедить их и рассеять это предполагаемое их заблуждение (Богораз 1925).

Применяя этот принцип, Богораз отмечал, что религиозные явления обладают собственной логикой и в реальности верующего человека оказываются объективно существующими. То есть все чудеса и прочие сверхъестественные явления кажутся реальными человеку, который в них верит, независимо от того, что разумом они могут восприниматься как несуществующие (Панченко 2013: 82)¹³. В основе этих взглядов Богораз лежит мысль о равноправности и равноценности разных картин мира, последовательное отрицание идеи европейской цивилизации как высшей формы, а всех остальных культур – как ступеней на пути к ней.

Было бы слишком смелым утверждение, что Богораз здесь полноценно сформулировал принципы культурного релятивизма, однако кажется, что он был гораздо ближе к нему, чем к эволюционистским представлениям о развитии человечества от низших форм культуры к высшим. Эти его мысли были близки подходу Боаса, который, хотя и не употреблял термина «культурный релятивизм», высказывал похожие идеи уже в ранних статьях. Не исключено и даже вполне вероятно, что Боас и Богораз обсуждали эти вопросы в начале двадцатого столетия, когда Богораз жил в Нью-Йорке (Кан 2021).

Когда после смерти Штернберга Богоразу пришлось практически без подготовки читать студентам курс «Эволюция религиозных верований», он постоянно подчеркивал свои расхождения со своим покойным другом. Так, пересказывая студентам статью Штернберга «Тотемизм» из словаря Брокгауза, Богораз делает оговорку: Штернберг, конечно, классик, но наши с ним взгляды совпадали только до определенной степени: он, с одной стороны, «есть основатель нашей школы, но, с другой стороны, это не значит, что мы должны зубрить его наизусть» (Богораз 2019 [1928]: 214). И в следующей лекции Богораз возвращается к этой теме и довольно явно критикует Штернберга за последовательный эволюционизм, говоря, что в расцвете своего дарования, в начале века, лет в 40 Штернберг писал по-настоящему прекрасные работы, а позже он превратился в «кладезь учености», но относился к тому, что пишет, уже некритически, и прежде всего это касалось «чисто эволюционных положений». И еще раз на следующей странице: здесь «цитаты победили его полевой опыт» (248).

Можно ли сказать, что Богораз «отрицал эволюцию»? Конечно нет. Когда дело касалось развития человечества от животного состояния к современному, он совершенно четко прослеживает стадии развития – от животного через осознание отдельности себя от мира – через страх перед этим миром – к осознанию мира как действующего субъекта, и далее через «одушевление», «олицетворение» природных явлений. Богораз был верным последователем Дарвина и «отрицать эволюцию» не

мог. Но он, как кажется, не верил в телеологичность эволюции, т.е. в то, что она имеет цель и эта цель – цивилизация вроде европейской.

Мне представляется, что влияние Боаса – не единственный источник этих идей. Эволюционизм, как известно, основывался на идеях Просвещения с его верой в разум, в исторический прогресс от «примитивного» к «цивилизованному» и в будущую гармоническую человеческую личность. Эти идеи оказались сильно подорванными уже Первой мировой войной, а в России – вдвойне подорванными еще и ужасами революции и Гражданской войны. У Богораза был опыт тюрьмы, опыт войны, опыт голода и опыт столкновения с иррациональностью человеческого поведения. С началом Первой мировой войны он отправился на войну добровольцем, служил в санитарном отряде; в письме от 20 февраля 1915 г. он писал о своих впечатлениях полутора военных лет: «О, если бы я мог описать тот ужас, который я видел...» (цит. по: Михайлова 2004: 22)). И 1920-е гг., даже если отвлечься от послереволюционной разрухи, стали для Богораза чередой несчастий: в 1920 г. в Ростове-на-Дону упал под трамвай и потерял обе ноги его брат; в августе 1921 г. умерла его жена, почти одновременно умерла Анастасия Летъенен, с которой В.Г. Богораза связывали очень близкие отношения; годом позже умерла его сестра Вера, и в том же 1922 г. уехал в Америку В.И. Иохельсон, «единственный человек в чередѣ многочисленных знакомых, которого Владимир Германович считал своим другом, человек, допущенный в его личную жизнь, бывавший в его доме в Лесном» (Богораз 1926; Михайлова 2016: 119–120).

Этот трагический опыт не мог не повлиять на взгляды Богораза, в том числе и на научные: события 1914–1921 гг. вряд ли подтверждали мысль о неуклонном движении человечества к светлому будущему. Его друг Иохельсон также относился к эволюционизму с большими сомнениями: «Когда я приступил к изучению семейных отношений у народов Крайнего Северо-Востока Сибири, в частности у юкагиrow, я еще находился в плену ведущих теорий и обращал внимание прежде всего на пережитки прошлого, которые существовали согласно этим теориям... но скоро пришел к выводу, что такой предвзятый путь только замутняет исследование и что... нужно освободиться от идеи единообразной эволюции семейных отношений всего человеческого рода. Приступая к изложению собранного мною материала относительно семейных отношений юкагиrow, я постараюсь представить прежде всего факты» (Иохельсон 2005: 107). И хотя в своих статьях и книгах Богораз продолжал использовать слова «эволюция», «пережитки», «дикость», кажется, что в глубине души он в эволюцию и прогресс уже не верил.

В этом существенное отличие взглядов Богораза от взглядов от Штернберга, у которого не было такого опыта учебы у Боаса, жизнь которого складывалась счастливее и у которого был «только» опыт тя-

гот жизни в послереволюционном Петрограде¹⁴. Опыт войны и революции, конечно, поколебал его веру в разум и в прогресс; в лекциях середины 1920-х гг. Штернберг признавал, что в развитии культур возможен регресс и тупиковые пути – и все же «его наивный оптимизм XIX века оставался центральным для его взглядов»: он продолжал утверждать, что эволюция культуры совпадает по направлению с «прогрессом», который он понимал как постепенное принятие гуманистических ценностей европейской культуры всеми народами мира (Кап 2009: 312). Штернберг оставался эволюционистом, он упорно повторял, что «человечество станет единым братским союзом взаимодействующих культур, всеобщего равенства и сотрудничества» (цит. в обратном переводе по: (Кап 2009: 286))¹⁵.

Для темы данной статьи важно, что студенты, учившиеся в Географическом институте, слушали *разную* этнографию и отдавали себе отчет в том, что эволюционизм – не единственно возможный подход к материалу. Кто-то из выпускников и будущих исследователей, как Ю.А. Крейнович, склонялся к эволюционизму Штернберга, кто-то, как А.С. Форштейн, – к «партикуляризму» Богораза, но важно, что в 1920-х гг., до смерти Штернберга, молодые этнографы-североведы были открыты разным этнографическим теориям и могли бы, если бы история сложилась иначе, сформировать и развить научную школу, ничуть не уступающую по идеям передовым школам того времени. Известно, что этого не произошло, однако это тема другого исследования.

Заключение

Этнографическое образование в Петербурге выросло на энтузиазме тех ученых, которые в конце XIX и первое десятилетие XX в. создавали разнообразные научные кружки, общества, курсы – и в первую очередь на энтузиазме Льва Яковлевича Штернберга. Фундамент североведческого образования заложило создание в 1916 г. Высших географических курсов. После большевистского переворота, пройдя через период разрухи, голода и бедствий, руководители Курсов вынуждены были трансформировать их в государственное учреждение – Географический институт. В 1921 г. в Институт пришел Владимир Германович Богораз. Его приход существенно помог этому вузу встать на ноги, прежде всего благодаря личным связям Богораза со многими руководителями страны, его товарищами по революционной борьбе и ссылке. Акцент этнографического образования в Географическом институте был на полевых исследованиях, и именно на полевые исследования Богораз активно и успешно находил дополнительное финансирование. С 1922 г. и до смерти Штернберга в 1927 г. оба ученых работали рука об руку, совершенствуя программу преподавания; оставшись один, Богораз продол-

жал отдавать все силы новому учебному заведению (см. подробнее: (Вахтин 2016; Ляская 2016)). Основатели североведческого образования и по научным взглядам, и по темпераменту и личным склонностям были очень разными людьми – и несмотря на это их тесная дружба, длившаяся всю жизнь, помогла им создать уникальное учебное заведение по подготовке будущих специалистов по этнографии и языкам Сибири и Севера.

Жизнерадостный пессимист Богораз... Мрачный оптимист Штернберг... Оба они, по выражению Романа Якобсона, прожили десять жизней между 1914 и 1920 гг. (Сорокина 2016: 76), но несмотря на то, что они жили в одном городе, это были очень разные жизни очень разных людей. Общего у них было только одно: любовь к этнографии Севера, огромный опыт полевых исследований и желание передать свои знания и опыт следующему поколению несмотря на обстоятельства, совершенно не располагавшие к созидательной деятельности. К этому они и стремились, создавая совместными усилиями совершенно новую для того времени науку – североведение.

Список сокращений

МАЭ – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера).
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.
ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурге.
APS/NYPL – Boas Professional Correspondence. Originals: American Philosophical Society, Philadelphia. Microfilms: The New York Public Library.

Примечания

¹ Подобные неточности и прямые искажения встречаются в этом вопросе по сей день. Свойственная большевикам манера приписывать все успехи себе (а все неудачи сваливать на «врагов народа») оказалась удивительно живучей; вот, например, что пишут о создании Высших географических курсов современные исследователи: «Необходимость решения многих государственных задач, связанных с управлением огромным многонациональным государством, ускорила создание новых учебных заведений, призванных готовить специалистов для молодого Советского государства. В Петрограде 3 декабря 1918 г. создается государственный Географический институт...» (Арзютов, Невская, Павлинская 2012: 20). Из этого пассажа следует, что в 1918 г. где-то (в Москве, очевидно) существовала мудрая и дальновидная власть, сознательно строившая практически на пустом месте новое государство, осознававшая сложность управления страной и необходимость подготовки специалистов в разнообразных областях, планомерно формировавшая систему учебных заведений, призванных выполнить эту задачу; осознавая всё это, власти в декабре 1918 г. создали Географический институт. Трудно представить себе что-либо более далекое от истины.

² Одна из сложностей работы над этой темой состоит в том, что в сознании специалистов прочно закрепился изобретенный В.Г. Богоразом термин «этно-тройка» (Богораз 1934: xiii), под которым тот разумел себя, В.И. Иохельсона и Л.Я. Штернберга. При том, что огромный вклад всех троих в североведение не подлежит сомнению, это объединение в «тройку» постоянно приводит к недоразумениям и ошибкам. Богораз и Иохельсон работали вместе в Джесуповской экспедиции – но не Штернберг. Штернберг и Богораз совместно преподавали в Географическом институте – но не Иохельсон.

Иохельсон и Богораз опубликовали прекрасные научные исследования в Трудах Жесуповской экспедиции – но не Штернберг; и т.д. Так, в статье (Илгакова, Копалкина 2021) ошибочно указано, что директор Кунсткамеры В.В. Радлов рекомендовал Францу Боасу для участия в этой экспедиции «Иохельсона, Владимира Богораз и Льва Штернберга», при том, что имя Штернберга в письме Радлова не упоминалось.

³ Детальную биографию Л.Я. Штернберга см.: (Кап 2009).

⁴ Этот музей со странным для современного слуха названием был открыт в 1864 г.; его главной задачей было собирание, систематизация и разработка учебных пособий с целью облегчения их выбора военно-учебными заведениями. Он успешно функционировал до революции: организовывал выставки, собирал коллекции, публиковал учебники, учебные пособия; при нем существовали различные курсы и большая библиотека. В 1918 г. был преобразован в Центральный педагогический музей, в 1924 г. стал частью Государственного института научной педагогики, в 1933 г. вновь реорганизован и в 1939 г. окончательно закрыт – видимо, за ненадобностью.

⁵ В 1888 г. по инициативе В.В. Докучаева в составе Вольного экономического общества была образована Почвенная комиссия. В 1912 г. на ее базе возник Докучаевский почвенный комитет; названия его менялись, но существует он до сих пор (см. <http://soil-society.ru/index.php/ru/history-ru>).

⁶ Иосиф Дементьевич Лукашевич (1863–1928). Студент Петербургского университета (1883–1887), заключенный Шлиссельбургской крепости (1887–1905) за покушение на жизнь Александра III. Соорганизатор Высших географических курсов (1916–1918) в Петрограде, первый директор Географического института (1918), профессор геологии Вильнюсского университета им. Стефана Батория (1920–1928) (Володченко 2016: 34).

⁷ К этому времени Географический институт стал уже факультетом Ленинградского университета, см.: (Вахтин 2016).

⁸ Карские экспедиции – регулярные после 1874–1876 гг. плавания судов по западной части Северного морского пути с целью вывоза сибирского леса, сельскохозяйственной продукции и минерального сырья. До 1919 г. из 122 карских плаваний 75 прошли успешно; в 1919 г. Карскую экспедицию организовало правительство Колчака; с 1920 г. года возобновились систематические плавания (см. подробно: (Ламин б/д)). Видимо, из планов отправить в одну из таких экспедиций студентов ничего не вышло.

⁹ Конечно, в бурном развитии географии во второй половине XIX – начале XX в. были и другие, более утилитарные причины: география была активно востребована военными, которым чем дальше, тем больше были нужны точные карты; она была востребована и политиками, ср. манифест германского Географического общества, опубликованный в 1922 г., в котором прямо говорилось, что «география должна была стать оружием немецкого народа в борьбе за справедливые границы в ситуации, когда все остальные способы оказались недоступны» (цит. по: (Гурный 2021: 190)).

¹⁰ Письма Богораз Боасу хранятся в Фонде Боаса в архиве American Philosophical Society (APS); копии – в Нью-Йоркской публичной библиотеке (NYPL) и в архиве Отдела Антропологии Американского музея естественной истории в Нью-Йорке (AMNH).

¹¹ См. точные библиографические описания в списке источников.

¹² Богораз и на лекциях не стеснялся говорить, что думает; так, одна из «левых» студентов Географического факультета Ю. Лихтенберг обвиняла Богораз в своем заявлении в партком ЛГУ (1925 г.) в том, что он говорил студентам, что коммунизм в деревне – это новая форма религии, которую необходимо изучать наряду со старыми формами – язычеством и православием (см. подробнее: (Кап 2009: 380)).

¹³ Интересно, что Богораз сформулировал эту мысль за три года до выхода книги Уильяма и Дороти Томасов *The Child in America: Behavior Problems and Programs* (New York, 1928), в которой была изложена знаменитая «теорема Томаса»: «If men define situations as real, they are real in their consequences» [Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям].

¹⁴ Впрочем, Штернберг тоже посидел в большевистской тюрьме за свое эсеровское прошлое и за антибольшевистские публикации 1917–1918 гг., но он просидел меньше недели: «[с]огласно справке, выданной Штернбергу 3 марта 1921 г., он находился в Доме предварительного заключения с 25 февраля по 2 марта и был выпущен по распоряжению областного ЧК» (Кан 2012: 292).

¹⁵ В этой связи интересно замечание Сергея Кана, который пишет, что в лекциях Штернберг отходил от эволюционизма только когда говорил об иудаизме: иудаизм, говорил он, уникален, и обычная эволюционная модель к нему не применима (Кан 2009: 314). Точно так же Богораз утверждал, что «обычная эволюционная модель» неприменима к чукотской и эскимосской культуре, которые он знал очень глубоко. Эволюция общественно-политических взглядов Богораз детально рассмотрена в диссертации В.В. Романова (Романов 2006).

Список источников

- Альмов С.С. У истоков теории этноса: Н.М. Могиланский и петербургская антропология конца XIX – начала XX вв. // Три века российской этнографии: страницы истории / Серия: Из истории российской этнографии, этнологии и антропологии. Вып. 1 / отв. ред. А.А. Сирина, сост. А.А. Сирина, А.И. Терюков, М.Ф. Хартанович. М., 2017а. С. 140–160.
- Альмов С.С. Украинские корни теории этноса // Этнографическое обозрение. 2017б. № 5. С. 67–84
- Арзютов Д.В., Кан С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68.
- Арзютов Д., Невская И., Павлинская Л. Надежда Петровна Дыренкова: очерк жизни и научной деятельности // Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. (Серия «Кунсткамера – Архив». Т. VI). С. 19–88.
- Барсков Я.Л. Педагогический музей военно-учебных заведений 1864–1914. Исторический очерк / под ред. Я.Л. Барскова. СПб.: Тип. Сириус, 1914. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004193452/
- Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года. Лекция, прочитанная 10 мая 2011 года в Москве. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/4992>
- Богораз В.Г. Автобиография. 1926. URL: https://enc.biblioclub.ru/termin/1635806_Tan-Bogoraz
- Богораз В.Г. Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Выпуск первый. М.; Пг.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. URL: http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_1925_einshteyn.shtml
- Богораз В.Г. Чукчи. Ч. 1. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1934.
- Богораз В.Г. Эволюция религиозных верований. Курс лекций (1927–1928 гг.) / сост., подгот. М.М. Шахнович. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019.
- Богораз-Тан В.Г. Предисловие // Старый и новый быт / ред. В.Г. Богораз-Тан. Л.: ГИЗ, 1924. С. 5–7.
- Бюллетень Географического института. Март 1921. № 1. Петербург: Гос. изд-во, 1921.
- Бюллетень Географического института. Апрель 1921. № 2. Петербург: Гос. изд-во, 1921.
- Бюллетень Географического института. Май-июнь 1921. № 3–4. Петербург: Гос. изд-во, 1921.
- Бюллетень Географического института. № 7–8. ноябрь-декабрь 1921. Петербург. Гос. изд-во, 1922.
- Вахтин Н. Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участники // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 241–274.
- Вахтин Н. «Проект Богораз»: борьба за огонь // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 125–141.

- Вдовин И.С. В.Г. Богораз-Тан – учёный, писатель, общественный деятель (К 125-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение. 1991. № 2. С. 82–92.
- Весь Ленинград на 1925 год. Л.: Орготдел Ленгубисполкома, 1925.
- Весь Петроград на 1923 год: Адресная и справочная книга. Пг.: Отд. упр. Петрогубисполкома, 1923.
- Володченко А. О трех этапах в жизни Л.С. Багрова (Leo Bagrow, 1881–1957). Дрезден, 2016. URL: <http://rcswww.urz.tu-dresden.de/~wolodt/2017/Bagrow-2016.pdf>
- Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Советская этнография. 1971. № 2. С. 134–145.
- Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975.
- Гаген-Торн Н.И. Мемория / сост., предисл., послесл. и примеч. Г.Ю. Гаген-Торн. М.: Возвращение, 1994.
- Географический вестник, издаваемый Географическим институтом / под ред. Д.Н. Анучина, Л.С. Берга, А.А. Григорьева, Н.И. Кузнецова и Я.С. Эдельштейна. Т. 1, вып. 1. Пг.: Изд-е Географического института, 1922.
- Географический вестник, издаваемый Географическим институтом. Т. 1, вып. 2–3. 1922.
- Географический вестник, издаваемый Географическим институтом. 1922. Т. II, вып. 3–4. Л.: Изд-е Географического института, 1925.
- Гладицин И.Н. Утверждение географии // Географический вестник, издаваемый Географическим институтом / под ред. Д.Н. Анучина, Л.С. Берга, А.А. Григорьева, Н.И. Кузнецова и Я.С. Эдельштейна. Т. 1, вып. 1. Пг.: Изд-е Географического Института, 1922. С. 16–19.
- Григорьев А.А. Географический институт в 1920–1921 годах // Известия Географического института. Вып. 2. Пг., 1921. С. 143–164.
- Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки 1912–1923. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.
- Еврейское местечко в революции. Очерки / ред. В.Г. Богораз-Тан. Л.: ГИЗ, 1926.
- Ежегодник Русского антропологического общества при Императорском Петербургском университете. Т. 1. СПб.: Тип. Арнольда, 1905. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ежегодник_русского_антропологического_общества_Том_1-6_1905-16.pdf
- Золотницкая Р.Л. Истоки и продолжение жизни // Санкт-Петербургский университет. 2004. 8 фев. № 3–4 (3659–3660). URL: <http://old.journal.spbu.ru/2004/03/11.shtml>
- Иванова-Унарова З.И. В.И. Иохельсон и В.Г. Богораз – начало североведческой традиции // Эхо Арктической одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 2019. С. 229–240.
- Илтакова Н.В., Копалкина Е.Г. О некоторых особенностях научных взглядов Л.Я. Штернберга // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2021. Вып. 4. С. 23–28.
- Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005.
- Кабичкий М.Е. Марксизм в этно-антропологии: проблема применимости и её решения // Исторические исследования. 2018. № 11. URL: www.historystudies.msu.ru
- Кан С. Гражданское мужество ученого: Л.Я. Штернберг после Октября 1917 г. // Лев Штернберг – гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения / под ред. Е.А. Резвана. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 305–315. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/01/978-5-88431-188-6/>
- Кан С.А. Франц Боас и Советская Россия: 25 лет амбивалентности // Сибирские исторические исследования. 2021. № 1. С. 40–61.
- Керимова М.М. Жизнь, отданная науке: семья этнографов Харузиных: из истории российской этнографии (1880–1930-е годы). М.: Восточная литература, 2011.
- Комсомол в деревне / ред. В.Г. Богораз-Тан. М.: Изд-е Стат. отдела ЦК ВЛКСМ, 1926.

- Кошкин Я. Новый этап развития этнографического отделения (Проект введения специализации) // Этнограф-исследователь. Журнал научно-исследовательского этнографического кружка Этноотделения Геофака Ленинградского Государственного Университета. № 1. Август 1927. Л.: Изд-е Н.-И.Э. Кружка, 1927. С. 7–8.
- Ламин В.В. Карские экспедиции // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/karskie-ekspedicii>
- Лукашевич И.Д. Краткий очерк возникновения Высших Географических Курсов, их деятельности и преобразования их в Географический Институт // Известия Географического института. Вып. 1. Пг., 1919. С. 38–66.
- Ляская Е. «Гкань Пенелопы»: «проект Богораза» во второй половине 1920-х – 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142–186.
- Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, вып. 1 / ред. Л.Я. Штернберг. Л.: Изд-е Комиссии по устройству студенческих этнографических экскурсий, 1926.
- Михайлова Е.А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнографы и антропологи XX века. М.: Наука, 2004. С. 1–36.
- Михайлова Е.А. Рец. на кн: Sergei Kan Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 329–335.
- Михайлова Е.А. Софья Константиновна Богораз (1870–1921): штрихи к портрету Владимира Германовича Богораза // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 109–124.
- Обновленная деревня. Сборник / ред. В.Г. Богораз-Тан. Л.: ГИЗ, 1925.
- Панченко А.Б. Вклад народников в этнологическую теорию // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (24). С. 78–84.
- Ратнер-Штернберг С.А. Л. Я. Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ. 1928. Т. VIII. С. 31–70.
- Революция в деревне. Очерки. Ч. 1 / ред. В.Г. Богораз-Тан. М.: Л.: Красная новь, 1924.
- Революция в деревне. Очерки. Ч. 2 / ред. В.Г. Богораз-Тан. Л.: ГИЗ, 1925.
- Резник А. Быт или не быт? Лев Троцкий, политика и культура в 1920-е годы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. Т. 90, № 4. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/90_nz_4_2013/article/10577/
- Романов В.В. Общественно-политическая и научная деятельность В.Г. Богораза-Тана: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2006.
- Сборник этнографических материалов. № 2 / ред. В.Г. Богораз-Тан. [Материалы, собранные студентами Этнографического факультета бывшего Географического института, ныне Этнографического отделения Географического факультета ЛГУ.] Л.: Изд-е Этнографического отделения Географического факультета ЛГУ., 1927.
- Слободин С.Б. Выдающийся исследователь северных народов (К 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона) // Этнографическое обозрение. 2005. № 5. С. 96–115.
- Сорокина М.Ю. «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика–Якобсона» // In Memoria: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. Санкт-Петербург; Париж: Феникс-Atheneum, 2016. С. 117–142.
- Старый и новый быт / ред. В.Г. Богораз-Тан. Л.: ГИЗ, 1924.
- Центральный государственный архив в Санкт-Петербурге.
- Штернберг Л.Я. От редакции // Материалы по свадьбе и семейнородовому строю народов СССР. Л.: Комис. по устройству студ. этнограф. экскурсий, 1926. Вып. 1. С. 1–5.
- Kan S. Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist. Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 2009. [Series: Critical Studies in the History of Anthropology].
- Krupnik I., Vakhtin N. The aim of the expedition... has in the main been accomplished. Words, Deeds, and Legacies of the Jesup expedition, 1897–1902 // Constructing cultures then and now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition / ed. by L. Kendall, I. Krupnik. Arctic Studies Center. National Museum of Natural History.

Smithsonian Institution: Washington, 2003 [Contributions to Circumpolar Anthropology 4]. P. 15–31.

Pelkmans M. Outline for an Ethnography of Doubt // *Ethnographies of Doubt: Faith and Uncertainty in Contemporary Societies*. I.B. Tauris. 2013. P. 1–42.

Vakhtin N. Franz Boas and the Shaping of the Jesup Research in Siberia // *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902* / ed. by I. Krupnik, B. Fitzhugh. Washington D.C.: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, 2001. P. 71–89.

References

Alymov S.S. (2017a) U istokov teorii etnosa: N.M. Mogilianskii i peterburgskaia antropologiya kontsa XIX – nachala XX vv. [At the origins of the theory of ethnoses: N.M. Mogilianskii and the Saint-Petersburg anthropology of the late XIX - early XX centuries]. In: *Tri veka rossiiskoi etnografii: stranitsy istorii / Seriia: Iz istorii rossiiskoi etnografii, etnologii i antropologii. Vyp.1.* / Ed. by A.A. Sirina, compiled by A.A. Sirina, A.I. Teriukov, M.F. Khartanovich [Three Centuries of the Russian Ethnography. From the history of Russian ethnography. Vol. 1.]. Moscow, pp. 140–160.

Alymov S.S. (2017b) Ukrainskie korni teorii etnosa [The Ukrainian Roots of the Theory of Ethnos]. *Etnograficheskoe Obozrenie*, no 5, pp. 67–84.

Arziutov D., Nevskaja I., Pavlinskaja L. (2012) Nadezhda Petrovna Dyrenkova: ocherk zhizni i nauchnoi deiatel'nosti [Nadezhda Petrovna Dyrenkova: essay on life and scientific activity]. In: Dyrenkova N.P. *Tjurki Saiano-Altaja. Stat'i i etnograficheskie materialy* [Turks of the Sayano-Altai. Articles and ethnographic materials]. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 19–88.

Arziutov D.V., Kan S.A. (2013) Kontseptsii polia i polevoi raboty v rannei sovetskoj etnografii [The Concept of the Field and Fieldwork in Early Soviet Ethnography], *Etnograficheskoe Obozrenie*, no. 6, pp. 45–68.

Barskov Ia.L. (1914) *Pedagogicheskie muzei voenno-uchebnykh zavedenii 1864–1914. Istoričeskii očerok* [Pedagogical Museum of Military Educational Institutions 1864-1914. Historical essay]. Ed. by Ia.L. Barskov. St. Petersburg: Tip. Sirius. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004193452/

Bauman Z. (2011) *Tekučaja modernost': vzgljad iz 2011 goda*. Lektsiia, pročitaiaia 10 maia 2011 goda v Moskve [Liquid modernity: a view from 2011. Lecture given on May 10, 2011 in Moscow]. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/4992>

Biulleten' Geograficheskogo instituta [Bulletin of the Institute of Geography]. no. 1, March 1921. Peterburg. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1921.

Biulleten' Geograficheskogo instituta [Bulletin of the Institute of Geography]. no. 2. April 1921. Peterburg. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1921.

Biulleten' Geograficheskogo instituta [Bulletin of the Institute of Geography]. no. 3–4. May–June 1921. Peterburg. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1921.

Biulleten' Geograficheskogo instituta [Bulletin of the Institute of Geography]. no. 7–8. November–December 1921. Peterburg. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1922.

Bogoraz V.G. (1925) *Einshtein i religiia. Primenenie printsipa otноситel'nosti k issledovaniiu religioznykh iavlenii. Vypusk pervyi* [Einstein and Religion. Application of the principle of relativity to the study of religious phenomena. Vol. 1]. Moscow–Petrograd: Izdatel'stvo L.D. Frenkel'. Available at: http://az.lib.ru/t/tanbogoraz_w_g/text_1925_einshteyn.shtml

Bogoraz V.G. (1926) *Avtobiografiia* [Autobiography]. Available at: https://enc.biblioclub.ru/termin/1635806_Tan-Bogoraz

Bogoraz V.G. (1934) *Chukchi. Chast' I* [Chukchi. Part 1]. Leningrad, Izd-vo In-ta narodov Severa.

- Bogoraz V.G. (2019) *Evolutsiia religioznykh verovanii. Kurs leksii (1927–1928 gg.)* [The evolution of religious beliefs. Lecture Course (1927–1928)]. Compiled by M.M. Shakhnovich. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
- Bogoraz-Tan V.G. (1924) Predislovie [Foreword]. In: *Staryi i novyi byt* [Old and new way of life]. Ed. by V.G. Bogoraz-Tan. Leningrad: GIZ, pp. 5–7.
- Central State Archive in St. Petersburg.
- Etnograf-issledovatel'*. Zhurnal nauchno-issledovatel'skogo etnograficheskogo kruzhka Etnootdeleniia Geofaka Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Ethnographer-researcher. Journal of the Research Ethnographic Group of the Ethnology Department, Geographical Faculty of the Leningrad State University]. Vol. 1. August 1927. Leningrad: Izd-e N.-I.E. Kruzhka, 1927.
- Etnograf-issledovatel'*. Zhurnal nauchno-issledovatel'skogo etnograficheskogo kruzhka Etnootdeleniia Geofaka Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Ethnographer-researcher. Journal of the Research Ethnographic Group of the Ethnology Department, Geographical Faculty of the Leningrad State University]. Vol. 2–3, May – August 1928.
- Evreiskoe mestechko v revoliutsii. Ocherki* [Shtetl during the revolution. Essays]. Ed. by V.G. Bogoraz-Tan. Leningrad: GIZ, 1926.
- Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Peterburgskom universitete* [Yearbook of the Russian Anthropological Society at the Imperial St. Petersburg University]. St. Petersburg: Tip. Arngol'da. T. 1. 1905. Available at: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ezhegodnik_russkogo_antropologicheskogo_obshchestva_Tom_1-6_1905-16.pdf
- Gagen-Torn N.I. (1971) Leningradskaia etnograficheskaia shkola v dvadtsatye gody (u istokov sovet-skoi etnografii) [Leningrad ethnographic school in the twenties (at the origins of Soviet ethnography)], *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 134–145.
- Gagen-Torn N.I. (1975) *Lev Iakovlevich Shternberg*. Moscow: Nauka.
- Gagen-Torn N.I. (1994) *Memoria*. Compiled, foreword, afterword, footnotes by G.Iu. Gagen-Torn. Moscow: Vozvrashchenie.
- Geograficheskii vestnik, izdavaemyi Geograficheskim institutom* [Geographic Bulletin published by the Institute of Geography]. Ed. by D.N. Anuchin, L.S. Berg, A.A. Grigor'ev, N.I. Kuznetsov & Ia.S. Edel'shtein. Vol. 1. Is. 1. Petrograd: Izd-e Geograficheskogo Instituta, 1922.
- Geograficheskii vestnik, izdavaemyi Geograficheskim institutom* [Geographic Bulletin published by the Institute of Geography]. Vol. 1. Is. 2–3. 1922.
- Geograficheskii vestnik, izdavaemyi Geograficheskim institutom* [Geographic Bulletin published by the Institute of Geography]. 1922. Vol. II. Is. 3–4. Leningrad: Izd-e. Geograficheskogo instituta, 1925.
- Gladtsin I.N. (1922) Utverzhdenie geografii [The Establishment of Geography]. In: *Geograficheskii vestnik, izdavaemyi Geograficheskim institutom* [Geographic Bulletin published by the Institute of Geography]. Ed. by D.N. Anuchin, L.S. Berg, A.A. Grigor'ev, N.I. Kuznetsov & Ia.S. Edel'shtein. Vol. 1, Is. 1. Petrograd: Izd-e Geograficheskogo Instituta, pp. 16–19.
- Gorny M. (2021) *Velikaia voina professorov. Gumanitarnye nauki 1912-1923* [Wielka wojna profesorów. Nauki o człowieku (1912–1923)]. Izdatel'stvo Europejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Grigor'ev A.A. (1921) Geograficheskii institut v 1920-1921 godakh [Institute of Geography in 19-20-1921], *Izvestiia Geograficheskogo instituta*, Vol. 2, Petrograd, pp. 143–164.
- Ivanova-Unarova Z.I. (2019) V.I. Iokhel'son i V.G. Bogoraz – nachalo severovedcheskoi traditsii [V.I. Jochelson and V.G. Bogoraz – the beginning of the Arctic anthropology tradition]. In: *Ekho Arkticheskoi odyssey: sud'by etnicheskikh kul'tur v issledovaniakh uchenykh-severovedov. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Echoes of the Arctic Odyssey: the fate of ethnic cultures in the research of Arctic anthropologists. Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference with international participation]. pp. 229–240.

- Iltakova N.V., Kopalkina E.G. (2021) O nekotorykh osobennostiakh nauchnykh vzgliadov L.Ia. Shternberga [On some peculiarities of Lev Shternberg's theoretical approaches]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta: Iurisprudentsiia* [Courier of Buryat State University: Law]. Issue 4. Pp. 23–28.
- Jochelson V.I. (2005) *Iukagiriy i iukagirizirovannye tungusy* [The Yukagir and Yukagirized Tungus]. Translated from English by V.Kh. Ivanov, Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk: Nauka.
- Kabitskii M.E. (2018) Marksizm v etno-antropologii: problema primenimosti i ee resheniia [Marxism in Ethno / Anthropology: The Problem of Applicability and Its Solutions], *Istoricheskie issledovaniia*, no. 11. Available at: www.historystudies.msu.ru
- Kan S. (2009) *Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist*. Lincoln; L.: University of Nebraska Press.
- Kan S. (2012) Grazhdanskoe muzhestvo uchenogo: L.Ia. Shternberg posle Oktiabria 1917 g. [Civic courage of a scientist: L.Ya. Sternberg after October 1917], *Lev Shternberg — grazhdanin, uchenyi, pedagog. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia* [Lev Sternberg – a citizen, scientist, teacher. To the 150th anniversary of the birth]. Ed. by E.A. Rezvan. St. Petersburg: MAE RAN, pp. 305–315. Available at: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/01/978-5-88431-188-6/>
- Kan S.A. (2021) Frants Boas i Sovetskaia Rossiia: 25 let ambivalentnosti [Franz Boas and Soviet Russia: 25 Years of Ambivalence], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia – Siberian Historical Research*, no. 1, pp. 40–61.
- Kerimova M.M. (2011) *Zhizn', otdanaia nauke: sem'ia etnografov Kharuzinykh: iz istorii rossii-skoi etnografii (1880–1930-e gody)* [A Life Devoted to Science: The Kharuzin Family of Ethnographers: From the History of Russian Ethnography (1880–1930s)]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Komsomol v derevne* [Komsomol in the countryside]. Ed. by V.G. Bogoraz-Tan. Moscow: Izd-e Stat. otдела TsK VLKSM, 1926.
- Krupnik I., Vakhtin N. (2003) The aim of the expedition... has in the main been accomplished. Words, Deeds, and Legacies of the Jesup expedition, 1897-1902. In: *Constructing cultures then and now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition* / Ed. by Laurel Kendall and Igor Krupnik. Arctic Studies Center. National Museum of Natural History. Smithsonian Institution: Washington. [Contributions to Circumpolar Anthropology 4]. pp. 15–31.
- Lamin V.V. Karskie ekspeditsii [Kara Expeditions]. In: *Biblioteka sibirskogo kraevedeniia* [Library of Siberian local history]. Available at: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/karskie-ekspeditsii>
- Liarskaia E. (2016) «Tkan' Penelopy»: «proekt Bogoraza» vo vtoroi polovine 1920-kh – 1930-kh gg. [“Penelope’s Cloth”: The Bogoraz Project from The Late 1920s-1930s]. *Antropologicheskii forum*, no. 29, pp. 142–186.
- Lukashevich I.D. (1919) Kratkii ocherk vozniknoveniia Vysshikh Geograficheskikh Kursov, ikh deiatel'nosti i preobrazovaniia ikh v Geograficheskii Institut [A brief outline of the emergence of the Higher Geographic Courses, their activities and their transformation into an Institute of GEography], *Izvestiia Geograficheskogo instituta*, Vol. 1, Petrograd, pp. 38–66.
- Materialy po svad'be i semeino-rodovomu stroiu narodov SSSR, vyp. 1* [Materials on the wedding and family and tribal system of the peoples of the USSR. Vol. 1]. Ed. by L.Ia. Shternberg. Leningrad: Izd-e Komissii po ustroistvu studencheskikh etnograficheskikh ekskursii, 1926.
- Mikhailova E.A. (2004) Vladimir Germanovich Bogoraz: uchenyi, pisatel', obshchestvennyi deiatel' [Vladimir Germanovich Bogoraz: scientist, writer, public figure]. In: *Vydaiushchiesia otechestvennye etnografy i antropologi XX veka* [Outstanding Russian ethnographers and anthropologists of the 20th century]. Moscow: Nauka, pp. 1–36.
- Mikhailova E.A. (2011) Rets. na kn: Sergei Kan Lev Shternberg: Antropologist, Russian Socialist, Jewish Activist [Review of Sergei Kan. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist,

- Jewish Activist. Series: Critical Studies in the History of Anthropology. Lincoln, L.: University of Nebraska Press, 2009. 550 p.], *Antropologicheskii forum*, no. 15, pp. 329–335.
- Mikhailova E.A. (2016) Sofia Konstantinovna Bogoraz (1870–1921): shtrikhi k portretu Vladimira Germanovicha Bogoraza [Sofia Bogoraz (1870–1921): Towards A Sketch Portrait of Vladimir Bogoraz], *Antropologicheskii forum*, no. 29, pp. 109–124.
- Obnovlennaiia derevnia. Sbornik* [Reformed Village. Collection of papers]. Ed. by V.G. Bogoraz-Tan. Leningrad: GIZ, 1925.
- Panchenko A.B. (2013) Vklad narodnikov v etnologicheskuiu teoriiu [“Populists” Contribution to The Ethnological Theory], *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3(24), pp. 78–84.
- Pelkmans M. (2013) Outline for an Ethnography of Doubt. In: M. Pelkmans (Ed.), *Ethnographies of Doubt: Faith and Uncertainty in Contemporary Societies*. I. B. Tauris, pp. 1–42.
- Ratner-Shternberg S.A. (1928) L.Ia. Shternberg i Muzei antropologii i etnografii Akademii nauk [Lev Shternberg and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences], *Sbornik MAE*, Vol. VIII, pp. 31–70.
- Revoliutsiia v derevne. Ocherki* [Revolution in the countryside. Essays]. Ed. by V.G. Bogoraz-Tan. Moscow: Leningrad: Krasnaia nov', 1924.
- Revoliutsiia v derevne. Ocherki, chast' 2* [Revolution in the countryside. Essays, part 2]. Ed. by V.G. Bogoraz-Tan. Leningrad: GIZ, 1925.
- Reznik A. (2013) Byt ili ne byt? Lev Trotskii, politika i kul'tura v 1920-e gody [Living or not living? Leon Trotsky, politics and culture in the 1920s], *Neprikosno-vennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, Vol. 90, no. 4. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/90_nz_4_2013/article/10577/
- Romanov V.V. (2006) Obshchestvenno-politicheskaia i nauchnaia deiatel'nost' V.G. Bogoraz-Tana. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk [Socio-political and scientific activities of V.G. Bogoraz-Tan. Abstract of the Cand.Sc.(History) dissertation]. Orel.
- Sbornik etnograficheskii materialov. № 2* [Collection of Ethnographic Materials. Vol. 2]. Ed. by V.G. Bogoraz-Tan. Leningrad: Izd-e Etnograficheskogo otdeleniia Geograficheskogo fakul'teta L. G. U. 1927.
- Shternberg L.Ia. (1926) Ot redaktsii [From the Editors]. In: *Materialy po svad'be i semeinorodovomu stroiu narodov SSSR* [Materials on the wedding and family and tribal system of the peoples of the USSR.]. Leningrad: Komis. po ustroistvu studentch. etnogr. ekskursii, Vol. 1, pp. 1–5.
- Slobodin S.B. (2005) Vydaiushchii issledovatel' severnykh narodov (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia V.I. Iokhel'sona) [The Remarkable Scholar of Northern Peoples (Toward The 150th Anniversary of V.I. Jochelson)], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 96–115.
- Sorokina M.Iu. (2016) "Nenadezhnyi, no absoliutno nezamenimyi": 200-letnii iubilei Akademii nauk i "delo Masarika-Iakobsona" [“Unreliable, but absolutely irreplaceable”: the 200th anniversary of the Academy of Sciences and the “Masarik-Jakobson case”]. In: *In Memoriam: Istoricheskii sbornik pamiati A.I. Dobkina* [In Memoriam: Historical collection in memory of A.I. Dobkin]. St. Petersburg; Paris: Feniks-Atheneum, pp. 117–142.
- Staryi i novyi byt* [Old and new way of life]. Ed. by V.G. Bogoraz-Tan. Leningrad: GIZ, 1924.
- Vakhtin N. (2001) Franz Boas and the Shaping of the Jesup Research in Siberia. In: *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897-1902* / Ed. by Igor Krupnik & Bill Fitzhugh. Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution: Washington D.C., pp. 71–89.
- Vakhtin N. (2005) Tikhookeanskaia ekspeditsiia Dzhesupa i ee russkie uchastniki [The Jesup North Pacific Expedition and Its Russian Participants], *Antropologicheskii forum*, no. 2, pp. 241–274.
- Vakhtin N. (2016) «Proekt Bogoraza»: bor'ba za ogon' [The Bogoraz Project: The Quest for Fire], *Antropologicheskii forum*, no. 29, pp. 125–141.

- Vdovin I.S. (1991) V.G. Bogoras – uchenyi, pisatel', obschestvennyi deiatel' [V.G. Bogoras, a Scholar, a Writer, an Activist]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 82–92.
- Ves' Leningrad na 1925 god* [All of Leningrad in 1925]. Leningrad: Orgotdel Lengubispolkoma, 1925.
- Ves' Petrograd na 1923 god: Adresnaia i spravochnaia kniga* [All of Petrograd in 1923: Address and Reference Book]. Petrograd: Otd. upr. Petrogubispolko-ma, 1923.
- Wolodtshchenko A. (2016) *O trekh etapakh v zhizni L.S. Bagrova (Leo Bagrow, 1881-1957)* [Zu drei Lebensabschnitten von Leo Bagrow (1881-1957)]. Dresden. Available at: <http://rcswww.urz.tu-dresden.de/~wolodt/2017/Bagrow-2016.pdf>
- Zolotnitskaia R.L. (2004) Istoki i prodolzhenie zhizni [Origins and continuation of life], *Sankt-Peterburgskii universitet*, 8 February, no. 3–4 (3659–3660). Available at: <http://old.journal.spbu.ru/2004/03/11.shtml>

Сведения об авторе:

ВАХТИН Николай Борисович – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: nvakhtin@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nikolai B. Vakhtin, European University at St Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: nvakhtin@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28 ноября 2022 г.;
принята к публикации 28 ноября 2022 г.*

*The article was submitted 28.11.2022;
accepted for publication 28.11.2022.*